

УДК: 81'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63

ТРАНСЛИНГВИЗМ И РЕВИТАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198
vestnik_valikova@mail.ru

Основная задача статьи — попытка осмыслить взаимосвязь между такими процессами, как литературный транслингвизм и ревитализация культуры. Авторы приходят к выводу, что *национальное воображаемое* ищет адекватных способов репрезентации в усвоенном языке, в результате чего этот язык не только в определенной степени трансформируется, но и способствует обновлению «говорящей» через него культуры.

Ключевые слова: транслингвизм, ревитализация, национальное воображаемое, литература, картина мира

ВВЕДЕНИЕ

«Какие-то языки могут умирать или стираться с лица земли, но не было и нет всеобщей языковой унификации человечества», — пишет в своей классической работе «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон. *Язык* фигурирует в указанном труде не случайно: именно ему ученый отводит аксиоматическую роль регулятора социальной власти и генератора той самой коллективной идентичности, которую сегодня принято называть *национализмом*. По Андерсону, «нация» не является продуктом этногенетического процесса и не может быть приравнена к определенной «народности»; это — некий конструкт, основной функцией которого является создание *общественного самоопределения*, базирующегося на *общей исторической памяти, исторической фатальности и языке*: «Нация усматривается в общности языка, а не крови» [Андерсон 2001: 162], «Через язык воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее» [Андерсон 2001: 170]. *Национальное* как *коллективное воображаемое* нуждается в определенной организующей силе, в аксиологических ориентирах, в ценностном поле, способном «вместить» в себя представителей этнически гетерогенных сообществ. Такой силой — наряду с политикой и религией — в историческом аспекте всегда становился язык.

До революции, осуществленной «гуттенберговым прессом», говорить о языковой унификации не приходилось: в пределах одной и той же языковой системы существовали различные ее варианты в виде наречий, уже — диалектов и говоров, а также элитарный язык «просвещенных» — в разных сообществах латинский, греческий, церковнославянский. (Так, Г.В. Лудольф, пытаясь осмыслить русский язык петровской эпохи, резюмировал, что языка на самом деле два — на одном говорят, на другом — пишут.) Широкое распространение печати способствовало

созданию «моноязычных» читающих публик и, соответственно, унифицированных полей коммуникации. В России это выдвинуло «народно-литературный» (по В. Виноградову) тип русского языка на передовую позицию функционирования по сравнению с книжно-славянским, однако русский по-прежнему не был языком повсеместного национального самосознания в пределах огромной Российской Империи. Ко времени активной политики русификации, проводимой императорами Александром II и Александром III, Россия уже была империей *множественных национальных идентичностей* (украинской, финской, латышской, татарской и пр.). Как отмечает В.М. Алпатов, языки «меньшинств» в этот период были лишены части своих функций, «изгонялись» из учебных заведений и из печати [Алпатов 2014: 11—24]. Характерный пример находим у Х. Сетона-Уотсона: в 1887 г. русский язык стал обязательным для обучения во всех государственных школах провинций, в частности, прибалтийской; в 1883 г. Дерптский университет, имеющий статус передового учебного заведения, был закрыт из-за «лояльности» немецкому языку в образовательном процессе [Seton-Watson 1977: 5].

Принудительная русификация была объяснимой политической мерой: существовала необходимость в объединяющем языке, который мог бы обеспечить коммуникацию между частями огромного государства. Однако в той же степени, в какой эта политика была унифицирующей, она была и секуляритивной («партикулярно-национальной», если прибегнуть к терминологии Б. Андерсона). Доминирование русского языка функционально «связывало» с ним его носителей, но вызывало чувство протеста со стороны иноязычных представителей империи, которым оставалось лишь приспособиться к новому языковому укладу жизни.

ОТ БИЛИНГВИЗМА К ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

После революции Советская Россия взяла курс на «отсутствие государственного языка» и «повсеместное распространение национальных языков» [Алпатов 2014: 11—24], однако полностью следовать заданным координатам оказалось невозможным: потребность в национальной языковой идентичности каждого из этносов, населявших СССР, столкнулась с потребностью в коммуникативной кооперации между ними в границах централизованного государства. Вторую мог реализовать только русский язык.

Постепенное возвращение к старой (царской) языковой политике происходило под действием новых лозунгов о «языковом равноправии», что породило практически повсеместный билингвизм, функциональное первенство в котором (и вынужденно, и добровольно) отдавалось русскому языку. Как отмечает В.М. Алпатов, в сложившейся на сегодня языковой ситуации было задействовано три «силы» — языковая политика, языковая «стихийность» и языковая «инерция» [Алпатов 2014: 11—24].

Русскоязычие и сегодня остается главной объединяющей силой для народов РФ. Меры по укреплению функционального статуса национальных языков предпринимаются, но пока они «точечны» (существуют научно-исследовательские центры по изучению малочисленных языков, например, гагаузского; разрабатыва-

ются программы узуализации вымирающих языков, т.е. их внедрения в повседневную речевую практику, см. кампанию ЮНЕСКО «Spoken Karaim»). Коммуникативным мостом к «широкому социуму» остается русский язык.

Как результат, мы имеем дело с распространенным би-, поли-, транслингвизмом, которые не только преодолевают «пустое гомогенное время» линейной истории, но и формируют вокруг себя новые семиотические пространства, «мир-целостность» словами Э. Глиссана.

Во все исторические эпохи власть, будь то империя или тоталитарное государство, стремилась к созданию идеально «просматриваемого» языкового ландшафта. Однако даже в условиях неравновесного билингвизма функционально ограниченные языки оставили за собой право на «непрозрачность». Как говорилось выше, язык связан и с культурой, и с идентичностью этноса, т.е. его национальным самосознанием. Определенные исторические условия способны ограничить или полностью нивелировать первое (язык), но на аннигиляцию (намеренную или стихийную) второго и третьего требуется намного больше времени — не рутинного, но исторического.

Если в эпоху бытования *структурной* языковой парадигмы *perpetuum mobile* языковой системы считались действующие в ней сосюрровские антиномии (языка и речи, говорящего и слушающего, кода и текста и др.), то в эпоху активно моделируемого глобального социума дополнительный импульс для ее (языковой системы) развития дают языковые контакты. В их процессе происходит не только глубинная перестройка языковых уровней, но и зарождение новых «образов мира».

Множество показательных примеров предлагает художественная литература — главный «культурный продукт национализма» [Андерсон 2001: 158], активно генерирующий мифологию нации, ее константные образы и ролевые модели. Национализм здесь не следует отождествлять с расизмом, это идеологически несовпадающие категории. Национализм — это, как отмечалось выше, глобальная идея коллектива о себе самом, произрастающая из общности языка, памяти, телеологии — в частности, телеологии этнической. Наблюдая за историческим формированием наций, Б. Андерсон задается вопросом: почему национализм настолько прочно внедрен в коллективное бытие, что представители этого коллектива готовы идти на жертвы во имя него? Диахронический анализ ряда стран позволяет ему прийти к нескольким выводам. Во-первых, национальность (как и этническая принадлежность) — это «фатальные» (неизменяемые) факторы человеческого бытия, «узы природы», данность, которую невозможно преодолеть. Следовательно, они и являются точкой отсчета и «мерой всех вещей» в человеческой судьбе. Так как расовую, этническую, национальную принадлежность сложно изменить, ее следует *упрочить*. Здесь в силу вступает *телеология* нации — иными словами, осознание целесообразности ее бытия, сверхзадачи в мировом историческом процессе. Вот почему в мире так сильна тенденция к «созданию» государствами своего древнего «прошлого»: такое прошлое позволяет включить нацию в разряд «вечных» категорий этого мира. Пожалуй, *национальное воображаемое* сродни мифологии, которая «не есть вымысел», но «есть аффективное переживание» и осязаемая данность [Лосев <http://www.psylib.org.ua/books/losew03/index>].

Так как множественные национальные идентичности существовали в России уже до того, как русский язык стал коммуникативной доминантой, эти идентичности начали проявляться на «освоенной» языковой почве. Этнически *нерусские* авторы, пишущие на *русском языке*, воспроизводят средствами этого языка отнюдь не *русскую национальную идею*. Они либо транслируют вовне реалии собственной психологии и культуры, либо вовсе переконструируют мир силами совмещенных языковых и культурных сфер. Даже в тех случаях, когда транслингвальная практика опирается не на сбалансированный, а на доминантный билингвизм, преобладающей компонентой которого является *русский язык*, в художественное измерение автором трансферируется *этнокультурное содержание*. Как резюмирует И.С. Хугаев, «подлинная литература произрастает из этнокультурного корня» [Хугаев 2008].

К ВОПРОСУ О РЕВИТАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Еще М. Лотман указал на то, что язык и культура находятся в отношениях семиотического родства. Это самоорганизующиеся семиотические сферы, залогом сохранения которых служат их открытость, флексибельность границ, налаженные механизмы аккумуляции, трансляции, генерации смыслов. Но если язык, *трансляция* которого из одного поколения в другое прекращена в силу определенных обстоятельств, может прийти к ситуации угасания (и последующего вымирания), то *культура* находит способ своего семиотического опосредования через *другой язык*. То же самое происходит и в условиях функциональной ограниченности «материнского» языка. Адекватно репрезентовать культуру способны лишь формы *ее* языка, следовательно, культура производит «отбор» жизнеспособных языковых элементов и транспортирует их в новую языковую реальность, подспудно «выстраивая» эту реальность под себя. Зачастую «господствующий» язык предоставляет «притесненной» культуре намного более широкие коммуникативные возможности, чем «свой». В результате она (культура) становится объектом познания большего количества людей, превращается в часть их когнитивного фонда, участвует в процессе новой, более сложной, *концептуализации мира*. Таким образом, культура не только сохраняется (кумуляруется) другим языком, но и обновляет собственный жизненный потенциал, то есть *ревитализируется*.

Ревитализация культуры происходит даже в тех случаях, когда автор-билингв частично (или в большей степени) утрачивает этнически «родной» язык — или его знание оказывается существенно редуцированным. Возникает следующая ситуация:

1. Автор (X) по-прежнему является представителем своего этноса (Y);
2. X не владеет в достаточной степени языком Y;
3. X в лучшей степени владеет «вторым родным» языком, A;
4. Используя A, X *не стремится* изобразить жизнь этноса/представителя этноса A;
5. Посредством A X *стремится* изобразить жизнь этноса/представителя этноса Y в условиях Y+A.

То есть в случаях, когда базовый «лингвизм» в транслингвальной практике оказывается недостаточно развитым, автор *продолжает* вносить в художествен-

ный текст этнический компонент. Другое дело, когда в процессе подобных языковых констелляций зарождаются причудливые лингвистические образования — этот вопрос требует особого изучения.

Рассмотрим в качестве примера фрагменты романа Гюзель Яхиной «Зулейха открывает глаза».

Лауреат премий «Большая книга» и «Ясная поляна», «Зулейха...» продолжает традицию «двукультурной» литературы, которую заложили Юрий Рытхэу и Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер и Анатолий Ким — и многие, многие другие транслингвальные авторы советского и постсоветского пространства. «Традиции этой школы — глубокое знание национального материала, любовь к своему народу, исполненное достоинства и уважение отношение к людям других национальностей, деликатное прикосновение к фольклору» [Яхина 2016: 5]. Это — литературный дебют автора, в основу которого лег киносценарий, подготовленный Гюзель Яхиной в качестве выпускной работы в Московской школе кино. Отсюда — детальная раскадровка сцен романа, сильная визуальная часть, чередование эпизодов-образов с эпизодами-событиями. Избранные главы романа были опубликованы в журнале «Сибирские огни».

Книга имеет красноречивое заглавие, в котором присутствуют процессуальность, перцептивность, граничащая с иносказанием, и мощный культурный подтекст. «Зулейха открывает глаза», и мы понимаем, что героине романа предстоит пройти череду душевных трансформаций, результатом которых станет новое восприятие мира — и себя-в-мире. «Открыть глаза» — значит, вступить во взаимодействие с *внешним*; увидеть привычное в новом свете, утратить иллюзии; обрести внутреннюю смелость, пересоздать себя по отношению к внешнему пространству (заметим, что базовое предписание для классической «восточной» женщины — «опускать глаза», «не подымать глаз»). Сама автор комментирует: «Зулейха — героиня моего романа — живет в очень странном мире, где есть место и язычеству с духами, домовыми и лешими, есть место религии и домострою. И вдруг ее вырывают из этого окружения и переносят в иной мир» [Яхина <https://ria.ru/interview/20160301/1382525469.html>].

По признанию Гюзель Яхиной, она не использует в повседневной практике татарский язык — главным средством общения для нее является русский. Взросление автора происходило в двуязычной среде: «У моей бабушки был превосходный русский язык. Она преподавала его в младших классах татарской школы, поэтому и артикулировала очень четко. Что касается татарского, то я выросла в этой языковой среде. И попытка сплавить в книге два языка была для меня естественной» [Яхина <https://daily.afisha.ru/brain/613-o-svoej-knige-zulejha-otkryvaet-glaza-babushke-i-scenariyah/>]. Русский стал для Яхиной языком творчества, основным материалом для создания художественного универсума. И если в речевом общении татарский язык отошел к функциональной периферии, то на уровне художественного текста он лег в основу лингвистического палимпсеста.

Первая часть романа, «Мокрая курица», подробно воссоздает быт татарской деревни, и реалии иноязычной культуры настойчиво «ищут» адекватных форм репрезентации. Жизнь Зулейхи проходит за ситцевой *чаршау*, отделяющей мужскую половину избы от женской. В отдельной, совмещенной избе живет грозная *Убырлы*

карчык — Упыриха-свекровь, называющая невестку не иначе, как *жебегян та-вык* — мокрой курицей. Наблюдая за «выхваченным из повседневности» днем Зулейхи, читатель видит элементы ее одежды — *ката* и *кульмэк*; следует за героиней в страшный *урман*, границы которого священны и нерушимы; ощущает мифическое присутствие древних сил — *басу капка иясе* (духа околицы), *шурале* (духов-озорников), *бичуры* (духа сеней), *зират иясе* (духа кладбища).

Читатель знакомится с древними пантеистическими верованиями татар, наблюдает, как Зулейха делает подношение *басу капка иясе*, чтобы дух попросил от ее имени *зират иясе* присмотреть за ее четырьмя дочками, умершими в младенчестве одна за другой. Сама Зулейха просить не может: она не *ошкеруче*. Русскоязычный текст оказывается насквозь пронизанным иноязычными элементами, которые для русского читателя полностью (либо в большей степени) лакунарны, так как не имеют ни внешних, ни понятийных эквивалентов в русском языке.

«Мигрирующие» между двумя языками слова адаптируются к репрезентативной среде разными способами. Один из них — контекстуальная экспланация, или краткое пояснение иноязычного понятия через культурный комментарий. В некоторых случаях такая экспланация есть, в иных — нет, что в определенной степени способно нарушить кооперацию между автором и читателем, ибо одна из целей такой кооперации — понимание. Автор, таким образом, требует со стороны читателя определенных гносеологических усилий и даже предлагает адресату своеобразный арсенал средств для достижения коммуникативного успеха. Так, Гюзель Яхина помещает в конец книги «Словарь татарских слов и выражений». Ограниченный в фоновых знаниях читатель время от времени «вынужден» прибегнуть к помощи словаря и к общему расширению герменевтического контекста. Таким образом, иноязычная культура, *просвечивающая* сквозь текст, не только «поясняется», но и когнитивно фиксируется воспринимающим сознанием читателя, в конечном счете — *обновляется* средствами другого языка. Это способствует созданию многомерной языковой картины мира, возникающей на стыке «сопряжения сфер».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной этнический состав России развивается в условиях объективного (зачастую неравновесного) билингвизма. Однако национальная культура и в этом случае находит возможность экстраполяции и самосохранения, в том числе посредством транслингвальной практики писателей-билингвов. *Этническое воображаемое* не поддается скоропостижному «размыванию»; оно преодолевает даже диктат доминирующего языка. Более того, в отдельных случаях культура не только сохраняется, но и ревитализируется. Возможно, сам процесс ревитализации культуры способен привести к ревитализации языка, так как онтологическая неразрывность этих категорий очевидна.

Показательны самоопределения, используемые транслингвальными авторами; зачастую писатели отказываются от жесткой «национальной» квалификации собственного творчества (и своей роли в нем), называя себя «связными человечества» (Г. Бельгер), «сталкерами, номадами семиотических пространств» (А. Жаксылыков), «медиаторами» (О. Сулейменов). Такие писатели рано или поздно начинают

отвергать мононациональную идентичность, «вырастают из нее», «перебираются в некое иное измерение» (Кундера). «...их тексты демонстрируют равную степень удаленности от любого конкретного и монолитного национального нарратива, они создаются в промежуточном пространстве, отражая ощущение неукорененности и маргинальности, свойственное человеку модерна независимо от его национального происхождения» [Рубинс // <http://mfk.spbu.ru/sites/default/files/rubins.pdf>]. Не это ли — следствие языкового взаимодействия, ведущее к новой — транскультурной — эстетике?

© Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.

Дата поступления: 05.10.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алпатов В.М. (2014). Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Москва. С. 11—24.
2. Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
3. Лосев А.Ф. (1990). Диалектика мифа. Москва: Правда // <http://www.psylib.org.ua/books/losew03/index.htm>.
4. Рубинс М.О. Литература в контексте транснациональной теории // <http://mfk.spbu.ru/sites/default/files/rubins.pdf>.
5. Хугаев И.С. (2008). Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир.
6. Яхина Г.Ш. (2016). Зулейха открывает глаза. Москва: АСТ.
7. Яхина Г.Ш. Интервью // <https://ria.ru/interview/20160301/1382525469.html>.
8. Яхина Г.Ш. Интервью // <https://daily.afisha.ru/brain/613-o-svoej-knige-zulejha-otkryvaet-glaza-babushke-i-scenariyah>.
9. Seton-Watson H. (1977). Nations and States: An Enquiry Into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Westview Press.

УДК: 81'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63

TRANSLINGUALISM AND REVITALIZATION OF CULTURE

U.M. Bakhtikireeva, O.A. Valikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

vestnik_valikova@mail.ru

Abstract. The main task of the article is an attempt to understand the relationship between such processes as literary translanguaging and cultural revitalization. The authors conclude that the national imagined needs adequate ways of representation by the tools of the dominant language. As the result this language is not only transforming, but also promoting the renewal of culture, “speaking” through it.

Key words: translanguaging, revitalization, national imagined, literature, picture of the world